

КРУГЛЫЙ СТОЛ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ СТАТЬЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС (КРУГЛЫЙ СТОЛ)¹

14 марта в рамках Гуманитарных чтений РГГУ состоялся круглый стол журнала «Высшее образование в России» на тему «Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс». Предварительно к обсуждению предлагался следующий круг вопросов:

- модель современного научного журнала в аспектах: филологическом (академическое письмо, IMRaD и т.п.); философском (критерии научности текста); культурно-историческом («самобытность»); экономическом (коммерция или общественное благо);
- автор, рецензирование (слепое и живое), редактор («в редакции автора», интеллектуальная собственность);
- гносеологическая модель деятельности редактора;
- оценка научной деятельности, научная коммуникация и её превращенные формы.

В заседании круглого стола приняли участие: Ивахненко Евгений Николаевич (д-р филос. наук, ректор РГГУ, член редколлегии), Тоценко Жан Терентьевич (чл.-корр. РАН, журнал «Социологические исследования»), Кузнецова Наталия Ивановна (д-р филос. наук, РГГУ, член редколлегии), Сенашенко Василий Савельевич (д-р физ.-мат. наук, РУДН, член редколлегии), Короткина Ирина Борисовна (канд. пед. наук, МВШСЭН; РАНХиГС), Заботкина Вера Ивановна (д-р филол. наук, РГГУ), Базанова Елена Михайловна (канд. пед. наук, МИСиС), Балацкий Евгений Всеволодович (д-р экон. наук, Финансовый университет), Задорожнюк Иван Евдокимович (д-р филос. наук, НИЯУ МИФИ), Екимова Наталья Александровна (канд. экон. наук, Финансовый университет), Карелин Владислав Михайлович (канд. филос. наук, РГГУ), Рыбаков Николай Валерьевич (ННГУ), Перлов Аркадий Маркович (канд. истор. наук, РГГУ), Красинская Людмила Федоровна (д-р пед. наук, СамГУПС), Роботова Алевтина Сергеевна (д-р пед. наук, РГПУ), Шиян Анна Александровна (канд. филос. наук, РГГУ), Сапунов Михаил Борисович (журнал «Высшее образование в России»), Гогоненкова Евгения Аркадьевна (журнал «Высшее образование в России»).

¹ Вторая часть. Начало см.: Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 46–86.

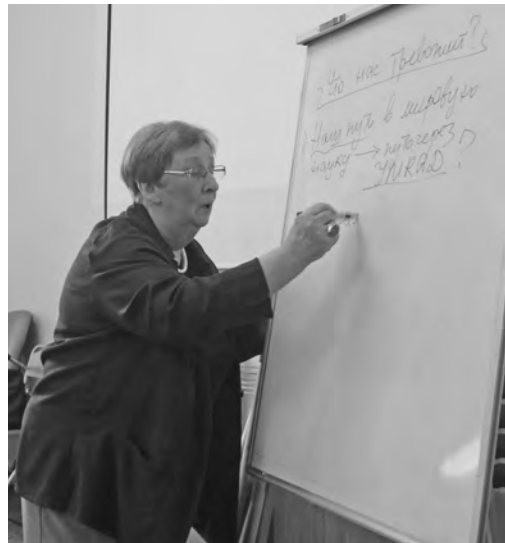
Н.И. Кузнецова: Выступление Василия Савельевича подтолкнуло меня к тому, чтобы затронуть ещё одну серьёзную тему – о критериях *демаркации* науки, отделения ее от всех прочих сфер культуры. Речь идёт о том, что именно с точки зрения современной философии науки считать «научным» и «ненаучным». Проблемы эти обсуждались и в неопозитивизме, и в постпозитивизме, известны такие критерии демаркации, как верификация или фальсификация, различались контексты логики открытия и логики обоснования... Одним словом, это было серьёзной проблемой: можно ли задать здесь какую-то методологическую норму? А во второй половине XX века на первый план вышло осознание колоссального морфологического разнообразия научных дисциплин, образующих некие сплетения, этикие «грибницы», от которых и произрастают отдельные «особи». Теперь мы уже с самого начала учим наших студентов рефлексии специфики, своеобразия научной дисциплины, специалистами в которых они должны стать. К концу XX столетия фиксировалось наличие как минимум 15 000 различных дисциплин, и это далеко не окончательный результат!

Должна сказать, что в период работы в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» я сталкивалась с проблемой указанного разнообразия буквально на каждом шагу. Интересны сами разговоры в научном сообществе: физик утверждает, что науками в строгом смысле слова являются физика (вкуче с математикой), отчасти химия и, пожалуй, биология, особенно генетика или молекулярная биология. Всё остальное, вежливо улыбаясь, физики в лучшем случае называют «науками в будущем». Речь идёт даже не о сфере гуманитаристики, истории – нет, вопрос касался, скажем, наук о Земле (геологии, географии, литологии, гидрологии и т.п.). Все эти разговоры о «ненауках» постоянно велись в связи с отбором статей в наш журнал. Забавно, что даже такие, казалось бы, близкие друг к другу дисциплины (из одного, как говорится, отдела),

как геология и география, постоянно сталкивались по вопросу, какая из них «наука». Географы справедливо указывали, что задача геолога – отыскать месторождение, а не истину, а геологи издевались над «чистюлями» географии, которые в своих теориях стремились раскрыть «истину», а не произвести полезный для практики продукт. Это были крайне интересные дискуссии, хорошо иллюстрирующие особенности различных научных сообществ.

Если продолжить сравнение морфологического разнообразия живых организмов с разнообразием научных дисциплин, то резонно обратить внимание и на такой детский вопрос: кто более *совершенен* – муха или слон? Кит или муравей? Млекопитающие или рептилии?.. Сразу понятна нелепость и вопроса, и ответа на него. Очевидная эмпирическая действительность заставляет напрочь отказаться от формулировки критерия «совершенства» – как в мире биологическом, так и в мире науковедческом – и уж как минимум признать как данность многообразие познавательных «форматов».

Короче говоря, сейчас философы науки приняли тот постулат, что необходимо исходить не из абстрактной методологической «нормы» научности, а из понимания того,

как работает каждое конкретное научное сообщество. Другое дело, что каждое сообщество формирует свою «парадигму», выражаясь языком Томаса Куна. Компоненты «дисциплинарной матрицы» он перечислил, и это задает чёткие ориентиры, которые способен усвоить не только специалист, но и редактор соответствующего периодического научного издания. И грамотный редактор понимает, что дисциплина может находиться и в фазе формирования (допарадигмальной стадии), и в критическом состоянии, и, возможно, в революционной стадии. Научный журнал помогает выявить и осознать эти фазы, способствует процессу «гештальт-переключения», т.е. участвует в смене привычной теоретической оптики. Главный редактор на то и нужен, чтобы знать сообщество – его повседневные труды, находки, откровения, болезни роста и развития. В этом его высшая миссия.

Действительно, физик Бонди говорил, что форма научной статьи – это смиренная рубашка для автора. Обратите внимание: он говорил про физико-математические, а не гуманитарные журналы! Эту шутку признает научное сообщество и всякий профессионал. Но зачем же надевать смиренную рубашку на все научные периодические издания, как это вообще возможно допустить, если признавать факт многообразия и разнообразия форм научного познания?!

Чем отличается хороший главный редактор? В чём ценность самого различия научных журналов? Итак, имеется редактор как «исходный фильтр» всего поступающего потока статей – на что он ориентируется? Проводимая им политика подбора статей (иногда он их специально заказывает, обращается с просьбами) отражает потребности конкретного научного сообщества, а также интересы различных целевых аудиторий. И у автора, в свою очередь, появляется выбор для реализации собственных познавательных проявлений. Авторы могут писать стилистически различно и с меняющимися целями. Почему мне, скажем, интересно

публиковаться в журнале «Высшее образование в России», а не только в профильном журнале «Эпистемология и философия науки»? Аудитория разная! Меня, скажем, привлекает региональная направленность данного издания: видела однажды в Хабаровске, как на общеуниверситетской кафедре лежал журнал «Высшее образование в России» с моей статьей – и она вырезана!.. Читатель, совершивший это деяние, возможно, и не философ вовсе. Ужасное, конечно, преступление – так изуродовать славный журнал, но как приятно автору-москвичу быть представленным в Сибири и на Дальнем Востоке, убедиться в том, что тебя читают в далеких от столицы городах!

А в чём явный признак достойного журнала? Есть такой неформализуемый признак – «гамбургский счёт». Благодаря Виктору Шкловскому это выражение стало слоганом, выражающим результаты честной борьбы. Согласно легенде, которую рассказал Иван Поддубный, цирковые борцы, как правило, вели на публике договорные бои. Но раз в год они собирались в Гамбурге, проводили между собой поединки и выясняли, кто из них на самом деле самый сильный. Такие бои проводились втайне от публики. Науку часто сравнивают с цирком, поскольку в ней есть такая же честность мастерства (или достоверность): исследователь рискует и может пострадать ровно так же, как разобьётся совершивший ошибку цирковой гимнаст. И правда, публичная часть научной деятельности явно превалирует, а в своем профессиональном кругу люди науки часто почитают не тех, кто у публики на виду, кто владеет высокими степенями, званиями, правительственными наградами и тому подобное. Поэтому – честь и хвала той научной периодике, которая представляет авторов по «гамбургскому счёту». Если у редактора есть такая интуиция, он смело опубликует статью Эйнштейна, даже если она ошибочна. Он понимает, какая статья элитная. Но если редактор не владеет чувством «гамбургского счёта», а будет полагаться только на оценки рецензентов, то

и уровень публикаций будет совсем иной. И мы знаем так называемые «отстойные журналы», где люди публикуются исключительно потому, что им надо продемонстрировать публикационную активность.

Прошу обратить внимание на то, что сложившаяся у нас конъюнктурная ситуация, строго говоря, с наукой никак не связана и никакой железной необходимости в таком количестве публикаций, которое ФАНО требует от каждого, для самой науки просто нет. Вот в чём скользкая дорожка, которая привела к невероятному росту количества «отстойных» научных журналов.

Каков путь отечественной науки в мировую? Мне говорят: пишите по-английски и публикуйтесь в зарубежных журналах. Только так можно достичь известности и признания на мировом уровне. Казалось бы, здравый совет. Но мне это видится иначе.

Обеспечить настоящую профессиональную коммуникацию – серьёзная задача. Железного занавеса более не существует, и это прекрасно, литературу западную можно достать и читать в оригинале. Однако, с моей точки зрения, этого недостаточно, несмотря на то, что количество людей, знающих языки, сильно возросло, в том числе и в нашей среде. И всё же без хороших переводов профессиональную коммуникацию на содержательном уровне обеспечить нельзя. Это касается как нашей, так и той, зарубежной, стороны. Перевод – самый эффективный путь. Обратите внимание: к тому времени, когда железный занавес поднялся, мы, отечественные философы, читали западные работы по преимуществу в переводах. И что же? Когда приехали западные специалисты и стали читать лекции про Поппера, Куна, Лакатоса для наших студентов, то последние признали, что мы здесь проанализировали классиков эпистемологии XX века лучше и глубже. Соответственно, и на Западе идеи наших выдающихся ученых фигурируют широко, если имеются хорошие переводы – такова судьба сочинений Выготского, Лотмана и других гуманитариев. Совершенно справедливо за-

метил Василий Савельевич, что за право переводить наши работы на иностранные языки очереди выстаивались. Совсем другой уровень понимания содержания и анализа! Кстати, если вспомнить имперскую Россию, то уровень владения иностранными языками среди интеллигенции был весьма высок, и это приводило к быстрому появлению на книжных прилавках переводов сочинений выдающихся западных авторов – Чарльза Дарвина или Карла Маркса, например. Да еще и несколько вариантов перевода предлагалось публике... Именно эта оперативность восхищает до сих пор. И если вы имеете опыт общения с нашими зарубежными коллегами, то должны знать, сколь высоко они ценят возможность увидеть свою статью, изданную в русском переводе. Именно тогда западные идеи становятся достоянием сообщества, а не информацией, которую на разные лады пересказывают несколько знатоков.

И ещё: мы же читали, как уже говорилось, классиков современной западной философии в русских переводах. Можно ли увидеть в построении статей Куна или Поппера соответствие требованиям IMRaD? Да ни в коей мере! Или, скажем, взять работы столь модного сегодня Бруно Латура. Вот известная его статья «Когда вещи дают отпор», опубликованная в сборнике «Социология вещей», – каким вообще формальным требованиям она подчиняется? Вопрос, как говорится, сугубо риторический... Ни обязательного обзора литературы, ни обоснования методов, ни чёткой формулировки результатов. Зачем тогда вы нам так громко рассказываете о том, как *правильно писать* научные статьи?

Вернёмся к началу – зачем учёного учить? – спросил наш коллега. Зачем на самом деле создаются центры академического письма? Чему там можно научиться? В лучшем случае, это ликбез, в рамках которого объясняют то, что кто-то не усвоил ещё в школе: статья должна быть структурирована, в ней должны быть Введение и Заклю-

ние, должны быть обоснованы методы (коли они есть), а также надо продемонстрировать, что ты знаешь «литературу вопроса». Но почему, спрашивается, эти центры столь многочисленны и стали вдруг столь громогласны? Почему они свои ликбезовские правила делают обязательными для тех, кто действительно предлагает идеи, развивает теории, открывает новые миры в познании? И у научного сообщества возникают серьёзные подозрения, что завтра без какого-то сертификата от такого центра меня не аттестуют или даже не примут статью в уважаемый журнал. А за сертификат надо заплатить... одним словом, к моей несчастной зарплате тянет лапы некий посредник, возникает очередная бизнес-структура, имеющая крепкую опору в чиновничестве. Тут уж будет не до шуток.

Василий Савельевич, мне думается, правильно отметил, что подобные центры адекватны для слаборазвитых стран. Логика там простая: вначале научитесь писать, а потом думайте, *про что* будете писать. Но к российской науке это вообще не относится. Я бы рискнула даже сказать, что это просто возмутительная постановка вопроса! В педагогике современной высшей школы действуют совсем другие принципы. Если говорить серьёзно, в исследовательских университетах задача профессуры – научить студентов думать.

И последнее. Немного опять о реальности редакторской работы. С моей точки зрения, редактор может и должен помочь автору раскрыть свою идею, дорогой для него тезис. Можно помочь структурировать статью, чтобы полнее раскрыть её содержание, можно придумать яркие подзаголовки, более четко сформулировать вводную и заключительную части. Хорошие журналы вкупе с редактором и редколлегией этим и занимаются. Если это есть, то это проявление высокой культуры сообщества. Практический опыт быстро учит, кого править вообще не надо, кому надо что-то подсказать. Есть авторы, которых ещё надо вырастить... Надо найти авторов, которые способны

подготовить обстоятельный аналитический обзор литературы последних лет или, скажем, чётко сформулировать методологические трудности, которые возникли в данной дисциплине. Но при чём тут какой бы то ни было регламент?! Редактирование статьи – довольно тонкий и сложный процесс, вполне творческий, а не документооборот, время которого можно фиксировать.

Есть ещё такая тонкость, о которой пока не вспоминали, – планирование целого номера, конкретного выпуска. Михаил Борисович хорошо понимает, о чём я говорю. У каждого номера может появиться какая-то своя музыкальная тема – нежно виолончельная или, напротив, джазовая импровизация. Когда у вас в руках ежемесячное периодическое издание, просто недопустимо делать все в едином стиле. Это не эстетично.

Когда мне тут объясняют, ссылаясь на суровые требования IMRaD, что надо всё главное высказать в первых 15 строчках Introduction, а дальше главный редактор и читать не будет, то я, честно говоря, про себя думаю: ну и зачем мне публиковаться в таком издании, пусть даже и на престижном английском? Всё-таки мы, с одной стороны, вертимся в каком-то конкретном социальном ведре, а с другой – стоим перед лицом Вечности. Для меня второе намного важнее. Как историк я знаю, что социум всегда суетлив и несправедлив, но как прекрасны произведения тех, кто писал в расчёте на суд Истории, кто слышал голос вечных ценностей. Вспомним наши отечественные журналы – «Путь» или «Логос». Каким регламентом измерять их звучание и их значение?! Действительно, возникает чувство, будто присутствуешь при исполнении каких-то грандиозных музыкальных произведений. Для философии и гуманитаристики *звучание* текстов чрезвычайно важно. Хороший редактор добивается такого звучания, а это куда важнее всяких IMRaDов. Витгенштейн говорил о сфере *нефактических смыслов* – они царствуют в этике, эстетике, в самом чувстве благоговения. Некоторые наши журналы явно несут

такие смыслы, а если они будут под запретом, исчезнет важнейшая компонента философского и гуманитарного текста. Во всякой науке всё это присутствует, и это хорошо знают люди, которые живут научным познанием. И вот нам грозит новая волна выхолащивания – уже не идеологического, но не менее опасного. Пока не поздно, остановимся ли?.. Очень надеюсь, что этот вопрос не прозвучит как глас вопиющего в пустыне.

В.С. Сенашенко: Наталия Ивановна, очень важные вещи Вы затронули. Авторский стиль – это составляющая мировоззрения, и все эти формализации всё это совершенно убивают.

И.Б. Короткина: Как ни парадоксально это прозвучит, но хочу одновременно согласиться и не согласиться с Наталией Ивановной и Василием Савельевичем. Поясню, почему. С одной стороны, совершенно очевидно, что любому серьёзному (в смысле научного подхода, а не выражения лица) исследователю претят формальные рамки, изобретенные чиновниками от науки. Настоящий учёный имеет и должен иметь свое лицо, свой голос в науке. Именно этот неповторимый голос, неповторимый взгляд, собственный, оригинальный подход к рас-

смотрению проблемы и делают его учёным. В англоязычном академическом письме есть специальный термин – *voice*, т.е. «голос» автора научного текста. Когда читаешь такой авторский текст, то слышишь этот голос и как бы непосредственно общаешься с автором. Он может быть строг, серьёзен, задумчив – или ироничен и даже саркастичен. Он может провоцировать читателя или даже шутить, не нарушая при этом объективности исследования и уважения к иным точкам зрения. Это касается любой научной отрасли, хотя и выражается более ярко в общественно-научных и гуманитарных исследованиях. С другой стороны, свой голос в науке выработать не так-то просто: нужны годы практики, и если эту практику не оттачивать и не совершенствовать, то язык автора останется невнятным, а текст запутанным.

Мне кажется, одним из наиболее достоверных проявлений высокого ума является его острота, а острый ум – это способность воспринимать парадоксы и абстракции высокого порядка. Парадоксы и абстракции же существуют только за счёт языка, т.е. знаковых систем. Вот почему «лакмусовой бумажкой» проверки ума всегда было и остается чувство юмора. Мы часто судим об интеллекте человека по тому, какого уровня шутки он способен воспринимать, а ещё выше – как он сам способен шутить. Есть такая замечательная книжка «Физики шутят», есть весёлая книга об остроумных экспериментах Роберта Вуда и масса других весёлых книг и воспоминаний об очень серьёзных учёных в очень серьёзных отраслях знания. Я выросла в Дубне, в среде физиков, и очень хорошо знаю, как они умеют шутить. Помню, как мне, ещё школьнице, а потом студентке филфака «утирали нос» маститые учёные, когда речь у нас дома заходила о поэзии или лингвистике, и как я обижалась иногда на их шутки, а мне говорили: «Вот когда поймешь, тогда перестанешь обижаться». Очень важным моментом в жизни я считаю эпизод, когда известный физик В.П. Саранцев, друг нашей семьи, опроверг какие-то мои полу-

детские доводы со всей свойственной ему убийственной иронией. Мама упрекнула его: «С кем ты связался, это же ребенок!», на что он ответил: «Она должна учиться отстаивать свою точку зрения, если берется говорить о взрослых вещах, и скидок на возраст здесь быть не может». Готова подписаться под этими словами сто раз, когда читаю плохо аргументированные, предвзятые или просто запутанные и невнятные научные тексты. Берешься писать о важных вещах, будь добр, говори прямо, ясно и обоснованно, не прячась за чужие спины и не оправдываясь узостью своей специализации или своим статусом начинающего учёного. Ещё более неуместно оправдывать своё косноязычие «научной традицией» или прикрываться своими учёными званиями и степенями. Стыд и срам тому академику, который не может в двух словах объяснить любому школьнику или студенту, чем он, собственно, занимается. Короче, в научном тексте может быть место парадоксу, шутке, иронии – в нужном месте и в разумных пределах, конечно, – но не может быть места занудству, многословию и пустословию.

Наталия Ивановна говорила о переводе. Ах, если бы только любой текст мог по мановению волшебной палочки переводиться на любой язык без потери качества! За такую компьютерную палочку сейчас ратуют многие. К сожалению ли или к счастью, но никакой переводчик не сделает заумный текст умным, а безликий – авторским. И наоборот. Хороший пример – книги американского социолога Иммануила Валлерстайна: в русском или ином переводе его труды по макроэкономике и микросистемах не теряют голоса и читаются буквально взахлеб любым неспециалистом. А почему? А потому, что он строит текст настолько логично и ясно, что исказить его невозможно, и никакой перевод не способен заглушить его умный, неповторимый голос, его умение донести сложную мысль до думающего читателя остроумно и ненавязчиво, как умный человек умному человеку. Когда я читала Валлерстайна, то

ловила себя на мысли о том, что он вряд ли обучался академическому письму в школе и университете, как это делают американские студенты сегодня, однако любой фрагмент его текста можно включать в учебник академического письма как образец «высшего пилотажа» (что я и сделала в своём).

Однако не надо думать, что Валлерстайн – некий «самородок», как ряд наших учёных, пишущих блестящие, отточенные тексты. Простое соотношение числа таких «самородков» между американскими и российскими авторами будет не в нашу пользу, причём с весьма обидным перевесом. И на то есть причины, которые не имеют ничего общего с национальным языком или мышлением. Дело в том, что хотя самой системе современного академического письма всего полвека, но ее формирование началось более ста лет назад, а корни уходят ещё дальше, в далёкое прошлое, к софистам, к пятичленной модели риторики Аристотеля, о чём я говорила выше. Ключевая идея этой риторики состоит в наиболее прямом и эффективном донесении мысли автора до адресата, для чего есть простые и чёткие инструменты. Мысль должна быть собственной и опираться на факты, экспериментальные исследования, теоретические и методологические основания, но ни в коем случае – на чужие мысли. Главным прорывом в становлении академического письма считается исторический отрыв (простите за тавтологию) языка научного текста от языка художественной литературы или публицистики. Именно здесь, мне кажется, и «зарыта собака». Связь языка с литературой в школе и есть то зло (да простят меня преподаватели русского языка), которое делает тексты наших исследователей эмоциональными, многословными и, что особенно неприятно, напигованными чужими мыслями в виде длинных прямых цитат или ссылок на авторитетные имена. Дело не в том, что детей не учат писать ясно и внятно, а в том, что им не дозволяется выражать и отстаивать собственную позицию – не ту, что прописана в учебнике.

Такая традиция идёт не от риторики, а от ораторики, господство которой особенно заметно в идеологизированных или религиозных средах. Победа в средневековой дискуссии оставалась за тем, кто больше цитировал: «Как говорил Фома Аквинский...», «Ибо, как сказано в Писании...», «Глава пятая, стих восьмой...» являлись такими же могучими аргументами, как и ссылки на Ленина или Маркса в советскую эпоху. Сегодня, напротив, авторитет имеют новейшие исследования в данной области, т.е. собственно наука, а не имена в ней. Знание того, что сегодня происходит, какие данные получены, что сам автор извлек из них и куда предлагает двигаться дальше, – вот в чём состоит опора для исследователя. И неважно, начинающий он или уже сорок лет в науке, вопрос: «А ты кто такой?» – это вопрос инквизиторов, а не учёных.

Логика и риторика были глубоко переосмыслены и переработаны под требования (точнее, насущные потребности) современной глобальной научной коммуникации. Наука об академическом письме позволила выработать инструменты построения ясного и точного научного текста. Не пользоваться ими – всё равно что отказаться от компьютера в пользу арифмометра, утверждая, что это наша традиция. Пользоваться инструментами нужно учиться, причём с молодых ногтей. Разумеется, самородки были и будут, но ведь не каждый таким рождается, и почему бы не научить человека писать мудро, вместо того, чтобы мудрить? Что останется от текста, если отшелушить все лишнее? Разве огранка бриллианта того не стоит? Кстати, только огранка и покажет истинный размер бриллианта и его чистоту, а следовательно, и его ценность. Так происходит – должно происходить – и с текстом для публикации. В зависимости от степени ясности и полезного веса тексты и сортируются по журналам.

Е.В. Балацкий: Мне кажется, дискуссия началась с неправильной постановки проблемы. Проблема у нас другая. Вроде бы, обозначили проблему журналов, что их за-

гоняют в какие-то стандарты, а проблема формируется с другого конца, она имеет значение для авторов. Я объясню, о чём идёт речь. Мы сейчас живём в век избытка информации. Бесконечный информационный хлам присутствует везде и в любом виде. Знаете, сколько в России экономических журналов, официально в РИНЦ зарегистрированных? Я могу вам сказать – около тысячи. И это всё хлам. Печататься там для серьёзного экономиста – просто себя не уважать. Почему так жёстко стоит вопрос? Потому что я как автор заинтересован в том, чтобы то, что я пишу, – читали. Если я буду писать статью и публиковать её в каком-то мусорном журнале, то меня просто читать не будут. Просто люди не могут всё читать. Тысячи журналов никто прочитать не может, это невозможно! Тогда что я делаю как автор? Я хочу публиковаться в хорошем журнале. В том, который самый цитируемый, самый читаемый. Поэтому я и прикладываю усилия для этого. Со своей стороны журнал тоже делает усилия, чтобы быть читаемым, поэтому он ищет хороших авторов. И на Западе давно этот механизм отработан, там идет взаимная «притирка» автора к журналу. Вот вы говорите: «рецензируемая система». Знаете, какая система действует

для западных специалистов? Человек, написав статью, может послать её в самый шикарный, самый рейтинговый журнал, а может послать в средненький. Но в самом крутом журнале его статью забракуют, и он отправляет её в средний. Получает те самые пресловутые три рецензии. Это дорогого стоит, потому что три хороших специалиста формулируют свои замечания и т.д. Он, не спеша, перерабатывает свою статью, а после того, как её переработали, это уже другая статья. Она стала на класс выше. И в этот журнал, откуда пришли рецензии, он её уже не посылает, а отправляет в более серьёзный журнал. И такой путь до самого верха – так работает рынок науки. Автора постоянно подтягивают, он постоянно растёт. Процесс очень сложный, потому что и автор должен где-то остановиться, чтобы быть опубликованным, и журналы не должны перегнуть палку. Если они все будут отшвыривать, то останутся без авторов. Это очень сложная политика, где много тонких моментов.

Что касается списка литературы, то он должен быть современным и большим. Почему? Мы думаем, что англосаксонская традиция какая-то нелепая, там дурачки сидят, чтобы нам осложнить жизнь. Нет, просто очень часто есть местные доморощенные деятели. Они придумают что-то и думают, что они гении, и излагают это, вообще невзирая на то, что уже есть, что было сделано до них... Как правило, оказывается, это уже 10 раз придумывали, и, может быть, даже в лучшем виде. Поэтому речь идёт о другом: если ты что-то излагаешь, то будь добр, покажи, как ты вписываешься в современную науку, в современный научный контент и контекст. Я хочу сказать, что проблема для автора заключается в том, что, кроме него, это никто не сделает. Если я сам не покажу, как моя работа вписывается в современный научный дискурс, то за меня этого никто не сделает. И для этого я должен сделать обзор литературы, посмотреть, что до меня уже сказали. Поэтому это требование является абсолютно закономерным. В противном случае, это

будут просто работы Самоделкиных с их мудрыми мыслями.

Рецензирование. Это не есть проблема, это просто-напросто вызов. Так, сейчас есть очень много журналов, которые демонстрируют низкую культуру. Они набирают каких-то странных рецензентов, а рецензенты с трясущими руками радостно начинают решать судьбу автора. Они начинают ему выставлять мыслимые и немыслимые замечания, а потом забраковывают статью. Это просто примитивная позиция людей с низкой культурой. В России уже есть альтернатива. Например, «Журнал Новой экономической ассоциации», где академик Виктор Полтерович является редактором. Он как раз занимает очень взвешенную позицию. Рецензент должен не просто указать на недостатки и высказать замечания, а отметить, что там есть интересного и ценного и как можно реально улучшить статью. То есть иногда редактор видит, что в статье есть что-то интересное, но её надо довести до ума, и рецензенты помогают автору это сделать. Не просто пришёл рецензент, зарубил статью и ушёл довольный и счастливый. Нет, он помогает улучшить её.

Вот Михаил Борисович говорит: если все зарегламентировали, то что делать главному редактору? Только рассылать статьи по рецензентам? Нет. Вот, например, академик Полтерович сделал такую вещь: со всей страны собрал полторы сотни лучших специалистов в своей области, по всем основным направлениям (экономика). Это люди, которым можно доверять. И он работает и с авторами, и с рецензентами. Не просто рассылает автоматически поступающие статьи, а работает с ними. Рынок перед вами ставит вызов, а вы реагируете на него. Вы сами формируете пул рецензентов, тех, кто делает это хорошо, сами инструктируете их. Либо вы работаете со статьями почти автоматически, на автопилоте, и тогда вы гарантированно будете терять хорошие статьи.

М.Б. Сапунов: Согласен, и это проблема.

Е.В. Балацкий: Проблемы существуют, но здесь нет особой сложности. Теперь о

всяких индексах. В экономике есть закон Гутхардта: любой индикатор перестает быть хорошим индикатором, если превращается в самоцель. Поэтому, пока вы только считаете библиометрические показатели, они работают хорошо. Как только вы начинаете премировать или наказывать за библиометрические показатели, начинается процесс манипулирования. Это хорошо известно.

Н.И. Кузнецова: Естественно, известно. Так, почему же опять на эти грабли наступаем?

Е.В. Балацкий: Во всем мире это есть, и каждая страна преодолевает это в меру своего уровня. Если страна дикая, — как мне кажется, именно в таком состоянии находится Россия, — она, увидев этот инструмент, ударились в какую-то оголтелую ярость, и в итоге мы получаем самые страшные искажения, какие только могут быть. На самом деле, если вы посмотрите на западную практику, то увидите другое. Приходит, допустим, человек устраиваться в американский университет. Используют в отношении него эти библиометрические показатели или нет? Они используются по простой схеме. Если университет не очень уровневый и если пришел автор не очень известный, то смотрят его библиометрию, потому что непонятно, кто к ним пришёл. Что у него там есть? А если в шикарный университет пришел известный всем автор, то, конечно, никто не смотрит на библиометрические индексы. Кроме того, действуют всякие рекомендации и прочее, прочее... Поэтому библиометрия — это просто вспомогательный инструмент. Он нужен, но он не должен заменить всё. Поэтому мне кажется, что проблема состоит только в одном. В том, что Россия в силу своей локальности за последние десятилетия утратила научную культуру. Недаром возникают эти центры научного письма. Во многих местах в России уже есть такие центры. Но научное письмо должно начинаться с академического чтения. Ну как я научусь писать, если я не читаю? Если же я читаю постоянно с юных лет, со студенческой скамьи хорошие образцы западных статей, то, значит, я повышаю

свою культуру, и потом я начинаю писать так же. Если же я их не читаю, то сколько меня ни учи, это совершенно ничего не даст. Поэтому проблема состоит в том, что люди просто не знают, как можно писать, как это делается.

А что касается культуры, я могу сказать следующее. Я экономист, и поверьте: вся западная экономика формализована до последней степени. Все сплошная математика. Однако один мой коллега написал статью с теоремами и всякими математическими выкрутасами и послал в *Journal of Economic Theory*. Это один из элитных американских журналов. Всё там изложено аккуратно, но ему пришла отрицательная рецензия: статья не годится из-за бедного английского языка. То есть даже при наличии такого уровня математизации требуется перфектный английский язык. Потом этот коллега опубликовал свою статью в «Журнале математической экономики» — это журнал более низкого уровня, там не такие высокие языковые требования. Это говорит о том, что уровень культуры присутствует и на Западе. Просто мы почему-то считаем, что этот уровень культуры какой-то гомогенный и он распространяется на всех в одинаковой степени. Если вы хотите быть хорошим журналом, работайте с авторами, приглашайте, вылавливайте тех, кто действительно хорошо пишет, набирайте пул достойных рецензентов, которым можно доверять. Это большая проблема, большой вызов. Поэтому, хотя Михаил Борисович и говорит, что скоро главному редактору делать будет нечего, если по схеме работать, но это не так — здесь очень много содержательных вопросов. И мне кажется, что все это своеобразные вызовы современности.

Кстати говоря, я занимался много всевозможными рейтингами и могу сказать, что на Западе все всё прекрасно понимают. Например, есть рейтинги специалистов по разным дисциплинам и сравнивают экономистов, физиков и лингвистов или просто чистых гуманитариев. Но как это сделать

корректно? Например, вы не можете специалиста по английской литературе оценивать по цитированию, тогда как для физиков всё зиждется на цитировании. У них даже порядки цифр цитирований совершенно другие. Тогда в рейтингах они меняют методику учёта. Экономистов тоже нельзя оценивать только по цитированию, потому что там есть менеджмент, в котором играют другие факторы. Всё это известно, и нельзя сказать, что Запад абсолютно оголтело продавлирует только один подход.

Перед Россией стоит задача интеграции в мировую науку, в мировое сообщество. Мне кажется, просто надо повышать уровень научной культуры и, конечно, не лопотать что-то непонятное в адрес международных стандартов. Может быть, я специально обостряю дискуссию, но вот этот журнал, который я держу в руках, по всем параметрам просто сразу должен отправляться в корзину. Почему? Посмотрите, что здесь написано: «Вестник РГГУ. Экономика. Управление. Право». Три науки в одном журнале? Вы хотите сделать из него брендовый журнал? Это нереально. Данный «Вестник РГГУ» — это тоже очередной Самоделкин с плохой традицией придумывания названий. Напомню: есть такой журнал — один из самых элитных экономических изданий — *Journal of Political Economy*. Издается он Чикагским университетом. Но они же не называли себя «Herald of Chicago University». А у вас «Вестник РГГУ». То есть за этим названием стоит попытка лишний раз прокукарекать о том, что вы есть. Выберите какую-то предметную область в рамках одной науки — и издавайте журнал. А если три науки в одном журнале, понятно, что вы никогда не выйдете на высокий уровень.

И.Б. Короткина: Большое спасибо Евгению Всеволодовичу за то, что он сказал. Давайте попробуем выделить ключевые моменты дискуссии. Итак, есть культура, и есть наука. Я понимаю, что можно говорить о культуре научных исследований даже в квантовой механике. Однако культура науки, если такое

словосочетание допустимо, касается методов научной коммуникации и правил, по которым она может осуществляться наиболее эффективно в культурно разнородной глобальной среде. Квинтэссенция того, что говорили Вера Ивановна и Евгений Всеволодович, это адресность научного исследования в перенасыщенном информационном потоке. Уважать читателя — значит писать экономно, чётко и публично, а не для себя любимого в тиши кабинета, как это было принято в прошлые века. Некультурно писать о том, что и так известно или сказано другими. Да, надо быть готовым к тому, что ваше новое слово могут критиковать и не принимать. Как было замечательно сказано, разные, несовпадающие точки зрения и создают движущую силу науки. Публикация — это Дискуссия с большой буквы Д, и это требование логики, а не формата. Мы вспоминали сегодня взлёты советской науки. В горячих дебатах развивались и ядерная физика, и космические исследования, и много чего замечательного делалось в разных отраслях науки.

Тем не менее, как только в науку вторгается авторитаризм, так начинается стагнация и наука мертвеет. Это чревато бюрократизацией, когда формалисты норовят убить живую мысль, затапливая её в мёртвые рамки. Выдающийся учёный канонизируется и водворяется на пьедестал, именуемый у нас «научной школой» или «школой Имярек». На Западе такой термин не распространён, хотя, например, тот же Выготский однозначно велик и там и тут. Однако то, как используется его имя там и тут, — это уже вопрос. Одно дело — использовать конкретную часть его теории в поддержку конкретного вывода и совсем другое — использовать его имя, дабы возвеличить собственную работу: «Уважайте мою речь, ибо я реку вслед за Выготским. Во веки веков, аминь!»

Уважение к другим — краеугольный камень риторики и композиции, и уважение это имеет две стороны: уважение к читателю и уважение к исследователям, работающим в данной области. Причём читатели научных

текстов чаще всего и есть те самые исследователи, они же авторы. И если ты не читал данного автора, это не значит, что он этого не писал. Соответственно, не сослаться на всех тех, кто работал над данной проблемой, чудовищно неуважительно по отношению к ним. Недавний пример из нашей практики – статья Н.Г. Поповой и Т.А. Бивитта в «Интеграции образования», где авторы не ссылаются ни на одну статью из нашей рубрики, в которой не только были опубликованы последние исследования по центрам письма, но и публиковалась сама Н.Г. Попова. Ничем не подкреплённые выводы в соответствующей части статьи не только противоречивы и неточны, но и неприемлемы с точки зрения уважения к научному сообществу и всем тем авторам, которые провели и опубликовали соответствующие исследования. На Западе это просто неприемлемо и грозило бы дискредитацией не только автору, но и журналу, не проверившему приведённых сведений посредством экспертного рецензирования. Безусловно, бывают случаи оправданного самоцитирования, когда автор вынужден это делать, понимая, что здесь никто до него практически не работал. Редчайший случай. Положим, мы с коллегами протаптываем первую тропинку по неведомому в России полю академического письма. А как же насчёт многочисленных зарубежных исследований? Да, библиография будет иноязычной, но она будет, ведь мы живём в научном мире, а не в научной отдельно взятой стране.

И вновь о выпадах в сторону «англосаксов». Стыдно должно быть учёному, который не может читать новейшие публикации по своей теме непосредственно в лучших международных журналах, а значит, на английском языке. Что ему остается? Ждать, пока кто-то их переведёт? А кто закажет перевод и каких именно статей? Кто оплатит этот перевод? Сколько лет ждать, пока перевод будет опубликован? Где гарантия качества и точности перевода? А поезд науки уже ушёл, потому что статьи актуальны сегодня, сейчас, и каждому из нас нужны

разные конкретные статьи из разных конкретных журналов, и – много, очень много. И сегодня, сейчас, немедленно. Отвергать общепринятый международный язык – значит отвергать весь мир. Тогда надо отвергнуть и немцев, и японцев, и арабов, и венгров, пишущих на этом языке. К сожалению, согласно данным Левада-центра, лишь 20% людей с высшим образованием в России утверждают, что способны к базовому общению на каком-либо иностранном языке. Сколько из них может читать на нём? И дай Бог, если мы наскребём хотя бы 1% исследователей, самостоятельно пишущих статьи на английском языке. В этих условиях бояться того, что мы утратим русский язык в науке, по крайней мере, преждевременно. Пока у нас противоположная задача – научить людей хотя бы читать на английском, хотя бы понимать суть написанного, воспринимать на слух выступающих на конференциях, быть в состоянии задавать нужные для себя вопросы. Задача же центров письма, создающихся сейчас, и вовсе на далёкую перспективу: обучать писать на английском языке убедительные авторские тексты, выражая научную мысль собственным голосом в полном соответствии с теми требованиями, которые предъявляются к публикациям международного уровня, – независимо от того, на русском или английском языке они пишутся. Всё это вместе и составляет, с моей точки зрения, культуру международного научного общения.

Второй момент обсуждения – педагогический. Язык осваивается медленно, и ещё медленнее развиваются навыки научного письма, поэтому логично начать обучать такому письму на родном языке. Писать так, чтобы тебя переводили без ущерба для понимания международным сообществом (как тот же Валлерстайн) – вот это и есть то самое рациональное зерно, из которого можно вырастить новое поколение учёных, свободно и равноправно чувствующих себя на международной арене. Этому нужно учить, причём учить легко. Могу подтвердить это

практикой собственных семинаров, которые провожу в университетах Проекта 5-100.

Кстати, о педагогических исследованиях. Я не хотела никого обидеть, когда говорила, что филологи и педагоги пишут хуже всех. Но вот вам пример. Открываешь книгу гениального российского педагога, который и сам молодец, и пишет замечательно, и голос свой в тексте имеет — и вдруг видишь маркированный список (ох, как у нас любят такие списки!), в котором перечислены функции директора школы. Слава Богу, это конструктивный список, т.е. из трёх, а не из 7 или 13 позиций. Так вот, согласно списку директор должен быть, во-первых, замечательным администратором, во-вторых, замечательным воспитателем и, наконец, замечательным менеджером. Отлично! Простим автору буллиты и продолжим чтение о том, как именно директор исполняет функции...менеджера. А потом администратора. И наконец, воспитателя. Ну почему? Почему, если ты сам сказал: раз, два, три, ты начинаешь с три? По какому принципу ты упорядочил эти функции? Если менеджерская является первой в какой-то логике, то почему она третья в списке? А ведь книгу вычитывал редактор, рецензенты, верстальщик, наконец. Человеку с нормальной логикой такое бросается в глаза сразу, так почему же никто не поправил автора, раз уж он сам не заметил бревно в своем глазу?

Возвращаясь к теме качества самих научных журналов, хочу привести пример из собственного опыта. Однажды мне пришло приглашение из зарубежного журнала. Мне показалось странным, что они меня нашли и пригласили, но была названа тема моего реального доклада на международной конференции, и ко мне обратились по имени. Сейчас я редко обращаю внимание на подобные письма, но тогда я зашла на сайт этого журнала, и вроде бы все выглядело пристойно, за исключением пары настораживающих мелочей. Я послала статью и вдруг обнаружила, что должна заплатить за какие-то публикационные услуги. Понимая, что этого не

должно быть, я написала американскому редактору, который проводил летнюю школу по академическому письму в МГУ за полгода до этого. Сообщила ему три обстоятельства, которые меня насторожили, включая упомянутый взнос. И к этим трём он добавил ещё три причины, чтобы не направлять статью в этот журнал, причём среди них то, что журнал выходит ежемесячно. Почему? Потому что серьёзный научный журнал не может выходить каждый месяц. И это при том, что у серьёзного международного журнала множество авторов, множество рецензентов и хорошая финансовая основа в виде или крупного международного издательства или крупного университета. С авторов никто, конечно, денег не берёт, но подозрительной может быть даже периодичность.

Двойное слепое рецензирование позволяет не только оценить качество работы, но, что важно, сделать это, невзирая на лица (вспомним авторитаризм в идеологизованном обществе). Это может оказаться гениальная статья простого аспиранта, который ещё никогда нигде не публиковался, и рецензент напишет, что у него шероховат язык или не хватает библиографии, но статью следует доводить до ума и публиковать. А может подвернуться и довольно пустая статья признанного академика, директора и президента всевозможных обществ. Последствия понятны: нечего сказать нового — не позорь свое имя, не пиши. Слепое рецензирование позволяет не прогибаться под авторитеты и не упускать растущее золотое ядро, тех, кто ещё мало публиковался и затруднился бы с ответом на вопрос: «А ты кто такой?». Это великое достижение демократии в науке. Есть, конечно, и очень узкие научные сообщества, в которых все друг друга знают, — буквально, раз, два, три, четыре... восемь. Там понятно, кому статья пойдет на рецензирование, и рецензент даже по стилистике текста может узнать автора. Однако международный уровень значительно расширяет этот круг. К тому же рецензент дорожит своей репутацией. Удивительно,

но факт: мы с Еленой Михайловной затеваем англоязычный международный журнал *Journal of Academic Literacy and Research Skills* под нашим Консорциумом. Не знаю, что у нас получится, однако практически все маститые иностранцы, которым я написала приглашение в редколлегию, приняли его, даже редакторы других журналов. Денег за рецензирование не платят, и спрашивается: почему они готовы работать на новый журнал в далекой России “за так”? Как видно, noblesse oblige.

Чем ещё хорош международный журнал? Общим научным языком. Выучить все языки мира невозможно, проще выучить какой-то один. Какой? К счастью, английский, а не китайский или русский (который – ох, как непросто и нелогично освоить иностранцами!). Что плохого в том, что все учёные мира пишут на общем языке и по выработанным длительным трудом и опытом законам эффективной коммуникации? Свою культуру надо оставить дома и свято беречь её там. А когда выходишь на международный уровень, ты должен писать так, чтобы было понятно всем. Если в какой-то культуре принято обниматься и целоваться при встрече, это не значит, что, повстречавшись с японцем или арабом, его можно обнимать и целовать, как у себя на родине. Это же неприлично. Всегда привожу в пример письмо редактора международного журнала одной русской учёной даме, которая провела блестящее исследование, и более того, исследование, которое очень интересно читателям именно этого журнала. Статья написана по-английски и даже без грамматических ошибок. Вроде бы всё прекрасно – но статья не пошла даже на рецензирование. Почему? А потому, вся красота исследования пропадает под небрежностью и невнятистью языка. Текст нельзя вычитать редактору, статью можно только переделать, переписать. Поэтому с великим сожалением редактор советует ей обратиться к специалисту, который поможет выправить логику и язык текста. А теперь подумаем об отечественной практике

увлечения не живыми, а мёртвыми форматами. Некто приносит красивенький текст, подогнанный под стандартный формат (ГОСТ, так сказать), и он публикуется, причем само исследование если и вносит вклад в науку, то мизерный. Однако статью примут, особенно если автор имеет степени и звания. Так что же лучше?

И последнее. Почему до выхода статьи в международном журнале высокого квортиля проходят долгие полтора, два – я бы сказала даже четыре – года, поскольку после рецензирования случается доработка, а потом редактура, печать и... года два–четыре, если журнал имеет только бумажный формат. В общий доступ он попадет только после открытия архива, а значит, большая часть исследователей статью не увидит, так как бумажные экземпляры безумно дороги и не каждой университетской библиотеке по карману. Да, сначала статья лежит у редактора, пока он её не прочтёт и не примет решение: отправлять на рецензирование или нет. Если редактор отказывает в публикации, он должен это обосновать, как в приведённом выше примере. Затем статья идёт на рецензирование, на которое эксперту, не получающему за это никаких денег, даётся два–три месяца. Затем присылается рецензия. Чтобы сберечь нервы и время, журналы рекомендуют авторам, прежде чем посылать статью в журнал, показать её как минимум двум коллегам – специалистам в этой области. Однажды я была потрясена собственным недомыслием, когда получила от зарубежного рецензента (причём известного учёного) рецензию, в которой было отмечено, что я забыла в своем исследовании целую Европу. Почему, пишет он, автор сосредоточил своё внимание исключительно на опыте США? Если бы я показала работу своим коллегам, это «бревно в глазу» бы явно заметили. Это ещё один момент, который следует учитывать в полировке своего текста.

Я хотела бы предоставить слово Елене Михайловне Базановой, которая имеет в этой области не меньший опыт. Может быть,

она погасит какие-то моменты, которые наболели.

Е.М. Базанова: Поскольку более 25 лет я преподавала магистрантам в Московском физико-техническом институте и уже более двух лет являюсь директором Офиса академического письма Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», я хорошо знаю, как нужно писать исследовательские англоязычные статьи в области естественных наук. Безусловно, качество научных текстов очень серьёзно волнует сегодня лингвистические университеты. Когда мы говорим о международных рейтингах и индексах цитирования, мы должны понимать, что мы сравниваем научные публикации отечественных исследователей с публикациями учёных западных университетов.

Разработка «дорожных карт» университетов-участников Проекта 5-100 привела к созданию центров письма по западному образцу. Так появились первые центры письма в России. На данный момент мы насчитываем от семи до четырнадцати центров: трудность точной оценки состоит в том, что некоторые центры открыты лишь формально, на бумаге, а некоторые, по сути, являются не центрами письма, а языковыми центрами, которые к своим основным программам и сервисам добавляют курсы по обучению академическому письму. Спрашивается, зачем нужны центры письма нашему академическому сообществу, будь то физики, химики или гуманитарии? Как центры письма могут помочь решить проблемы качества научных англоязычных текстов?

В январе 2017 г. мы создали Российский консорциум центров письма с тем, чтобы у немногих пока российских центров появилась возможность делиться опытом, получать научно-методическую поддержку и активно высказывать свою позицию. Отдельный центр письма — это, как говорится, «один в поле не воин»; Консорциум же — это некая организующая и направляющая экспертную деятельность сила, способная из-

менить ситуацию с академическим письмом в стране.

Прочитав целый ряд статей российских исследователей о том, как нужно писать научные статьи на английском языке и что определяет их качество, мы пришли к выводу о том, что нужно провести масштабное исследование, которое бы помогло установить истину и разобраться в том, какие именно критерии определяют качество научной статьи. Очевидно одно: форма не может довлеть над содержанием и не может являться главным критерием оценки научного текста. Однако это своего рода гипотеза, которую нужно доказать или опровергнуть. Я думаю, что в ближайшее время исследование, которое мы решили инициировать в рамках нашего Консорциума, расставит точки над *i*.

В исследовании, которое мы проводим с Ириной Борисовной, принимает участие Валентин Богоров, руководитель отдела образовательных программ компании Clarivate Analytics (ранее подразделение IP & Science Thomson Reuters). Будучи гуманитарием по образованию, Валентин сам озадачен ситуацией с насаждением формата IMRaD в гуманитарных науках. Используя весь массив наукометрической базы Web of Science, мы сможем обеспечить репрезентативную выборку научных текстов и проанализировать их структуру и контент. К исследованию мы подключили математиков, специалистов в области статистических методов исследования, которые дадут нам точные цифры и определят, какие критерии актуальны в оценке качества статьи, а какие нет. Кроме того, для обеспечения точности нашего исследования мы привлекаем учёных мирового уровня для выявления качественных характеристик научных статей. Нам важно, чтобы эти учёные, имеющие определенное количество статей в определенной области науки, независимо друг от друга определили, какая статья является эталоном и какие у неё формальные признаки научности. Степень оригинальности? Методология и методы исследования? Достоверность? Объективность

или научно-практическое значение? Чёткость аргументации и логичность изложения? Полнота списка используемой литературы? Охват международного опыта по теме исследования? Качественные метаданные? Новизна? Несмотря на то, что все эти критерии кажутся нам важными, не субъективны ли они? Пожалуй, структура научной статьи является одним из самых надежных объективных критериев, но так ли это? Наше исследование как раз и направлено на то, чтобы определить, является ли формат IMRaD определяющим качество научной статьи.

Если мы докажем, что структура, в частности формат IMRaD, не является ключевым критерием, проблема будет решена. Известно, что существует шесть основных областей науки: математика, логика, естествознание, технауки, социальные и гуманитарные. И естественно, что научные публикации в той или иной области имеют свои особенности. Наша задача — выявить эти особенности на основе количественных и качественных методов исследования.

Мы приглашаем всех, кто хочет поделиться своими мыслями на эту тему и разобраться в этом вопросе, принять участие в нашем исследовании. На данный момент мы привлекли математиков, физиков, специалистов в области информационных технологий, историков и лингвистов. Интересно

отметить тот факт, что математики оказались самими заинтересованными в этом исследовании, и, как пошутил один из них, «может быть, и мы [математики] научимся писать хорошие статьи?» Мне кажется, что это исследование крайне важно и, безусловно, интересно. Очень надеюсь, что мы можем выявить критерии качества научной статьи. Сейчас у нас нет точных данных, и мы можем обсуждать тему научности статей сколько угодно. Все правы, и никто не прав. Понятно, что такой критерий, как структура, удобен всем — и редакторам, и авторам, и, наверное, читателям. Предположим, я редактор журнала и вижу, что статья написана не в формате IMRaD. Тогда я просто не трачу свое драгоценное время на прочтение этой статьи, с учётом того, что количество научных статей, поступающих в научные журналы, растет в геометрической прогрессии. Это очень удобно! Но это формальный признак, и он не может довольствовать содержанием, тем более что статьи могут быть не только экспериментальными, но и теоретическими, обзорными и какими угодно. Но даже сам формат IMRaD не является таким единственным форматом. Всё зависит от требований журнала и области науки. Тогда какой формат? И есть ли он, один-единственный, универсальный формат?

А.М. Перлов: Я хотел бы сделать четыре замечания. Первое из них кажется мне важным в плане ограничения нашей дискуссии. Важно понимать, что её тема существует в очень широком контексте, и об этом желательно помнить. Например, мы не говорим о сокращении реального университетского финансирования и количества университетов вообще, для (обоснования) которого наукометрия — только инструмент, и если его не будет, найдут какой-либо другой, оправдываю-

щий общую политику. Точно так же мы не говорим о сложившейся университетской иерархии – мировой, где доминируют англоязычные университеты и их критерии, и внутрироссийской, где одни университеты составляют влиятельные чёрные и белые списки, а другие достаточным авторитетом не обладают. Я согласен с тем, что эти внешние условия приходится принимать как данность, но, по-моему, полезнее об этом всё-таки упоминать, чем совсем забывать и вести обсуждение критериев наукометрии и, соответственно, центров обучения академическому письму, как если бы это было чисто умозрительным вопросом, зависящим только от результатов нашего разговора.

Второе замечание тоже касается возможности сделать нашу дискуссию или другие аналогичные эффективнее. По-моему, участники занимают по умолчанию разную позицию в вопросе о ценности национальной (русской) науки. Для кого-то достижения советской науки несомненны, и национальная научная традиция заслуживает такого же уважения, как и 30, и 50 лет назад. Другие участники дискуссии, несмотря на возможность отдельных замечательных достижений и сейчас, убеждены в том, что в научном отношении Россия становится

страной третьего мира, и апелляция к «особенной» статье и необщему аршину» только ускоряет отступление. Я сейчас говорю не о том, что вторая позиция верна, а о том, что замалчивание в своих аргументах этой базовой исходной точки зрения приводит к тому, что одни и те же аргументы звучат по нескольку раз, что дискуссия иногда ходит по кругу.

Ещё две вещи, о которых я хочу сказать, объединяются общим тезисом. Может быть, нам не стоило как качественное противоречие заострять то, что вполне поддается количественному решению. Я не эксперт, но я думаю, что попадание журнала «Высшее образование в России» в чёрный список – это неправильно. Однако это не означает, что чёрного списка журналов быть не должно или что этот список скорее вреден, чем полезен. Я думаю, что даже при недоверии тем, кто формирует конкретный список, пользы от него гораздо больше, чем вреда, потому что «мусорных» журналов очень много. Мне жаль, что к «Вестнику РГГУ» можно предъявить серьёзные претензии, но, наверное, их, действительно, можно предъявить. Следует полемизировать с конкретным фактом, что ВОВР не по заслугам не попал в белый список и добиваться его внесения, но совершенно не нужно, по моему мнению, опротестовывать само намерение разделить журналы, публиковаться в которых почётно, и те, в которых позорно. Стоящий за оспариванием самой идеи списка мусорных журналов крик: «Не учите нас, учёных», «Кто смеет судить науку?» – с моей точки зрения, уже не имеет права на существование.

И, соответственно, последнее замечание – тоже о том, кто смеет «учить учёных», в данном случае – академическому письму по стандартам мировой (т.е. реалистически говоря, англоязычной) науки. Да, есть очень много российских учёных, которых не надо учить академическому письму и которые не умеются в его прокрустовы рамки. Пускай. И есть теоретически возможные случаи, когда может быть написана гениальная

или просто хорошая статья (в философии еще легче это представить, потому что этих статей много) не по этим универсальным канонам. И в насаждении пятиабзачного эссе и т.д. есть безусловная политическая конъюнктура. Но тем не менее я убеждён, что огромное множество российских авторов – и студентов, и аспирантов, и остепенённых специалистов – очень даже надо учить самым азам: и аргументации, и вообще принципам хоть сколько-нибудь организованного мышления. Про центры академического письма, которые будут это делать, я однозначно думаю, что это очень полезная вещь. Конечно, желательна дифференцировка в зависимости от специальности, от проблем, от очень разных внешних запросов и т.д. Однако на том основании, что некоторые российские авторы делают хорошую науку и без обучения академическому письму, приходиться к выводу о том, что эти центры не нужны совсем – по моему, абсолютно неправильно.

А.А. Шиян: У выступающих всё время звучат фразы: «Запад разработал», «на Западе есть». Но понятие «Запад» требует своего уточнения: нет «Запада» вообще. Как правило, под «Западом» у нас понимают англо-американскую традицию. Я провела

в Европе по различным академическим стипендиям три года (два года – в Германии). Лучшие немецкие журналы имеют очень маленький рейтинг в Scopus и Web of Science. Есть журналы, которые вообще туда не входят, им это не надо. Если мы подстроимся под WoS, под Scopus, то потеряем специфику европейской, континентальной философии, не говоря уже о нашей собственной отечественной традиции (которая, кстати, ближе к европейской).

Известно, что авторы статей по философии сознания в американских журналах ссылаются только друг на друга, игнорируя почти всё, что было сказано до них ранее и говорится сейчас в европейской философии. Когда им говоришь, что есть другая традиция, есть французы, есть немцы, которые работают в этом направлении, они смеются: а нам это не надо! В Германии я присутствовала на лекции проф. Галакхера из университета Менфис (США). Он рассказывал вещи довольно очевидные для европейской философии, выдавая их за последние достижения американских философов. Например, зависимость понятийного мышления от телесной моторики была уже давно исследована в советской психологической и философской традиции. На недоумённые вопросы немецких коллег и студентов он невозмутимо отвечал, что да, в этом что-то есть, но мне это не нужно. Для его функционирования как американского профессора вполне достаточно того, о чём он говорит. Проф. Вуппертальского университета (Германия), пригласивший коллегу, еле сдерживал себя, а на следующий день на своём семинаре извиняющимся голосом сказал, что, да, по конъюнктурным соображениям (гранты, связи) мы вынуждены это всё слушать.

И нас, философов, сейчас пытаются впихнуть в англо-американскую традицию, так как журналы из WoS и Scopus, по крайней мере, в верхних регистрах, принадлежат к англо-американской аналитической философии. Да, среди наших коллег есть те, кто причисляют себя к этой традиции. А остальным

что делать? В случае «вписывания» себя в эти базы мы теряем многообразие философии и сильно примитивизируемся. И это ведёт к общему снижению уровня философии в России.

Поэтому я ставлю вопрос о самой необходимости ориентироваться на WoS и Scopus. Да, это можно, это нетрудно, любой нормальный российский философ в этом разберётся легко. Но это неинтересно и намного ниже планки, заданной европейской и российской философскими традициями. Это мнение довольно распространено в Европе, хотя немцы всё больше и больше прогибаются под американскую философию, французы и поляки – ещё держатся. А в Скандинавских странах уже даже философское образование – на английском языке, что означает, что своей философии у них так и не будет. Но мир меняется на глазах, поэтому нам не надо торопиться и догонять далеко не лучшие образцы.

Войти в мировую философию возможно только проводя собственные качественные философские исследования на русском языке. Поэтому все усилия должны быть направлены не на вхождение в западные базы, а на создание их отечественных аналогов и условий для развития философии в России.

И.Е. Задорожнюк: Я был знаком и даже бывал в доме создателя отечественного варианта наукометрии и одного из её основателей во всемирном масштабе В.В. Налимова (1910–1997). Известен мне и широкий веер разработанных им идей, которые до сих пор оказывают влияние на отечественную (и не только отечественную) мысль и науку; мною даже написана статья об этом ученом – докторе технических наук и профессоре МГУ – в энциклопедию «Русская философия». Так вот, если бы Василий Васильевич знал, во что иногда превращают его методы по систематизации научного производства, в форме тех же «академических» статей, он не выпустил бы работ по наукометрии в свет. Ведь эти методы весьма часто превращаются в наукометрические удавки.

Кстати говоря, в русскоязычном варианте Википедии В.В. Налимов идентифицирован

как создатель наукометрии; сопровождается это утверждение релевантной ссылкой на вышедшую в конце 1960-х (в соавторстве с З.М. Мильченко) монографию «Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса» (подчеркнём особо: издательство «Наука» рассылало свои проспекты, в том числе на английском языке, по всему миру). В англоязычной же её версии в статье «Scientometrics» утверждается, что она легитимировалась в 1978 г. посредством создания Ю. Гарфилдом одноимённого журнала. Как раз этот вариант наукометрии и взяли на вооружение ведущие рейтинговые агентства... Ну не ещё ли одно проявление «информационного империализма», о котором я писал в журнале «Высшее образование в России» в 2015 г. при рассмотрении практик рейтингования зарубежными специалистами отечественных вузов? Ведь сам В.В. Налимов является автором текстов, особенно касающихся проблематики семантической Вселенной, которые не выдержали бы им самим установленных норм наукометрии, а уже тем более их англоязычного калькирования, – ну и что, они не работают в пространстве науки?

Ещё один пример касается кандидата химических и доктора философских наук Вадима Львовича Рабиновича (1935–2013). Да, он мог написать отзыв на диссертацию как самостоятельный научный трактат. Но в академические издания (в тот же авторитетный журнал «Человек») он посылал статьи, наукометрически малосостоятельные, хотя интересные и вызывающие у учёных куда больший отклик, чем любые «строгие» тексты. Эти работы часто сближались с жанром эссе. А ведь как раз в этом жанре было эксплицировано немало научных идей. Француз Г. Тард признавал, что первым в социальную психологию ввёл фундаментальное понятие «подражание» скорее литературный критик и публицист, чем академический учёный Н.К. Михайловский. Он же дал нетривиальную научную интерпретацию феномена самозванства и т.п. По нынешним нормам наукометрии и его работы, написанные в основном

в жанре эссе, как бы несостоятельны. А вот пустоватый реферат на избитую тему, если он наукометрически оформлен без сучка и задоринки, куда как состоятелен...

И ещё. Академик РАН В.С. Степин ориентирует не только своих коллег-философов, но и всех учёных на установку постнеклассического типа научной рациональности. Таковая – подобно духу евангельскому – веет где хочет: берет кванты нового знания не только в строгом научном поиске, но и в «фантазиях» познающего субъекта с их религиозными, эстетическими и даже мифическими составляющими. Парадоксально, но результат этого поиска надо оформлять в нормативах наукометрии, задаваемых механистическими образцами как раз классического типа научной рациональности. Так сказать, по известному принципу: учёт и контроль – основа социализма...

Два слова о формате IMRaD. В качестве пропедевтического средства этот формат допустим и даже заслуживает поощрения. Но возьмём текст, который нельзя не считать строго научным и на который имеются, пожалуй, сотни тысяч ссылок: «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна. Всего лишь сборник афоризмов, едва ли не в стиле

мифотворца Ф. Ницше, да ещё с таким заключением: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать». Никакой наукометрии, никакого IMRaD – а вот поди ж ты...

Конечно, нам без наукометрии не обойтись – как без галстука на серьёзном приеме. Но пусть уж этот галстук не превращается в удавку... Кстати, многие великие учёные ненавидят галстук, предпочитая рубашки свободного покроя.

А.С. Роботова: Начну с оценки важности таких коллективных научных мероприятий, как «круглый стол» (всегда читаю их стенограммы в «Вопросах философии» и «Высшем образовании в России»). Они тревожат мысль, заставляют неспешно оценить некоторые научные проблемы, «остановиться и оглянуться», перечитать некоторые материалы, определиться со своим мнением по тому или иному вопросу. Обдумывая тематику данного «круглого стола», перечитала статью В.Г. Белинского о выходе первого номера пушкинского «Современника». В этой статье есть слова, которые считаю необходимым привести здесь: *«Журнальная литература, эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература, так же необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли»*. Так начинается первая статья, и мы выписали её начало для того, чтобы показать, что «Современник» имеет настоящий взгляд на журнал. В самом деле, смешно было бы думать в наше время, чтобы журнал был энциклопедией наук, из которой можно бы было черпать полную горстью знания, посредством которой можно было сделаться учёным. Только одни невежды и верхогляды могут так думать в наше время. Журнал есть не наука и не учёность, но, так сказать, фактор науки и учёности, посредник между наукою и учёными. Как бы ни велика была журнальная статья, но она никогда не изложит полной системы какого-нибудь знания: она может представить только результаты этой системы, чтобы обратить на неё внимание учёных, как скорое известие,

и публики, как *рапорт о случившемся*». Думаю, что эти слова вовсе не устарели.

Поднятые на заседании «Круглого стола» вопросы интересны для каждого вузовского преподавателя. Не стану повторять слова о возросшем интересе к феномену «публикационная активность», в котором в немалой степени есть «принудительный» элемент. Ведь кроме внешних стимулов у каждого преподавателя есть *естественная* потребность в научном общении при помощи статьи в журнале, желание высказать своё мнение по тому или иному вопросу, стремление быть услышанным своими коллегами, поделиться опытом, осмыслить новые идеи других. Кроме того, имеющий право научного руководства во многом помогает написанию статей аспирантами и докторантами. То есть, помимо «публикационной активности», у каждого есть своя сложная внутренняя мотивация к написанию и публикации статей. Поэтому обсуждаемая проблема интересна со многих точек зрения.

Мне особенно близка позиция Наталии Ивановны Кузнецовой (весь её пафос, проблемность и стилистика выступления) – особенно по поводу «демаркации» научного и ненаучного стиля научных статей. В своих публикациях я не раз обращалась к этой теме. И искренне поддерживаю высказанное положение о том, что «именно языковое и ритмическое богатство статей создает неповторимое эстетическое пространство каждого конкретного научного журнала. И автор находит соответствие своего внутреннего мира тому или иному изданию, выбирает его или пробует новые повороты и горизонты мысли и стиля». Моя позиция заключается в том, что автор статьи гуманитарной направленности не должен быть скован продиктованным ему жёстким форматом. К названным Н.И. Кузнецовой именам учёных-гуманитариев я бы обязательно добавила имена Г.Д. Гачева и В.П. Зинченко. Многочисленные статьи В.П. Зинченко всегда отличались нетривиальной композицией, в которой не тонула главная проблема, сочетанием научности и образности, богатством языковых средств. Вспомним его работы: «О

душе и её воспитании», «Субъективные заметки о психологической диагностике», «Психология на качелях между душой и телом» и др. На мой взгляд, именно такие статьи нужны сегодня гуманитарным наукам. Они полны страсти, энергии мысли и слова, единством познавательного и эстетического компонентов, содержания и формы. Они с большей силой отражают пристрастность автора, его позицию, индивидуальность стиля его мышления, чем предлагаемый авторам четырёхчастный формат, ведущий к стандартизации и утрате авторской индивидуальности. Убедена: эта индивидуальность проявляется и в выборе сюжетной линии статьи, и в построении её композиции, и в использовании образных средств языка, и в метафорике названий, и в оценочных суждениях, иногда даже в некоторой беллетризации, но не в бесстрастной объективации изложения. Проблема индивидуальности связана не только с отражением личности в его стилистике, но и в отношении к читателю. Любой журнал должен не только ориентироваться на определённый сложившийся круг читателей, но и быть озабочен расширением читательской аудитории. И гуманитарные тексты (статьи) должны решать и эту задачу. От того, насколько отражен в тексте статьи образ её автора, во многом зависит интерес читателя. Именно не бесстрастность автора к рассматриваемой проблеме определяет во многом интерес читателя, понимание им «интенции текста» (У. Эко).

Почему столь подробно я остановилась на значении автора как субъекта познания, критической рефлексии и творчества? В существующем сегодня потоке печатающихся статей (я говорю о педагогике) читателя должна привлекать и общая направленность журнала, и индивидуальный *образ журнала*, который зависит в значительной степени от индивидуальности его авторов, от их умения представить научную или познавательную проблему в эстетически значимой форме. Достоинства и недостатки журналов во многом зависят от печатающихся в них авторов, от их ответственного отношения к своим тек-

стам. Я просматриваю много педагогических журналов и не устаю удивляться завуалированности и многословности названий статей, с которых начинается восприятие журнала. Вот некоторые названия: *Специфика обучения ИЯ обучающихся среднего профессионального педагогического образования (на примере обучения фразеологическим единицам)*; *Критериально-уровневый подход к результативности профессионально-педагогической самореализации преподавателя системы последипломного образования средствами информационно-коммуникационных технологий*. Такие названия говорят о многом: о недостаточной языковой ответственности авторов, об их отношении к возможным читателям, о нетребовательности редакторов, допускающих такие многословные и неясные по смыслу названия.

Вернусь к проблеме образа журнала. Мне кажется, что это очень важная проблема, решаемая в совместной деятельности редакции и пишущих для этого журнала авторов. Образ журнала – категория ясная для тех, кто давно и осознанно выбирает «свой» журнал. Такой автор ждёт выхода нового номера, с интересом знакомится с оглавлением, с рубриками журнала, выделяет знакомые имена, останавливается на интересных названиях и аннотациях. Образ журнала складывается из многих компонентов, но наиболее важным являются всё-таки содержательный и формообразующий компоненты научных статей, их гармония и соответствие друг другу. Образ журнала зависит также от соответствия всего его содержания проблемам научного знания, актуальным для данного исторического периода, а не только от того потока статей, которые шлют авторы. И ещё сказала бы об авторитетности научных мнений, которые отражены в статьях учёных и преподавателей. Авторитетность научного мнения достигается разнообразными средствами, но, к сожалению, она рассматривается в основном лингвистами в контексте научного дискурса. Ими выделяются специальные маркеры, говорящие об авторитетности мнения: назва-

ние, эпиграф, ссылки на собственные (подчас длительные) исследования, ссылки на ведущих специалистов в данной области знания, на зарубежные источники, вводные фразы, вставки, статистические данные, обобщённые табличные сведения, ирония и т.д. Это говорит о «неслучайности» текста научного сообщения, о знаниях автора, его научных взглядах и образованности. Об этом можно прочесть в работах А.А. Болдыревой, которая выделяет прямую и косвенную авторитетность, а среди последней – «широкое употребление сложной специальной терминологии данной области исследования». Но вот, готовясь к настоящему обсуждению, при просмотре журналов гуманитарного и педагогического направления, обратила внимание на статью «Интегральная методология изучения текста в аспекте лингвокультуры: акмео-аксиологический подход». Не буду приводить много цитат, говорящих об употреблении специальной лексики. Ограничусь одной: «Принципом формирования критериальной базы исследования текстовой лингвокультуры как фактора социального развития впервые предлагается считать антропокосмизм как включённость человека в единую универсальную систему, так называемую “целостность мира” (человек – общество – природа – вселенная), при которой определяющим фактором эволюции является создание высшей формы биосферы – “ноосферы” (В.И. Вернадский)...» Помимо странного и не часто встречающегося слова «универсумальная» (от универсум), автор употребляет понятия «антропокосмистский подход», «акмео-аксиологическая методология». Интересная и важная проблема лингвокультуры и текста погружена в сложный языковой контекст, который требует серьёзных усилий со стороны читателя, постигающего смысл данного текста. Думаю, что это отрицательно влияет на авторитетность научного сообщения в журнале, обращённом не только к лингвистам (если судить по его названию), но и к широкой гуманитарной аудитории.

Образ журнала складывается в зависимости от проблемно-тематического разнообразия научных статей, от их жанрового разнообразия: в нём должно найтись место и строго научным сообщениям, и полемическим, и описательным, нарративным, и эссе (в традиционном понимании), и обзорам научной литературы, и историко-образовательным изысканиям. Это снимает монотонность и монологизм журнала, придаёт ему динамизм, сообщает особое ритмическое разнообразие.

И, разумеется, образ журнала в восприятии авторов складывается в зависимости от характера общения с редакцией: как происходит это общение, на какой основе, как работает редактор с автором (доброжелательно, деликатно или грубо, уничижительно, равнодушно). Именно от этого зависит желание автора работать дальше, совершенствоваться в написании статей, предлагать новые темы, воспринимать журнал как «свой», в котором есть и твоя доля участия, воспринимать его место среди других СМИ как особое, лично значимое.

В связи с рассматриваемыми проблемами выскажу своё скептическое отношение к академическому письму, о котором говорила И.Б. Короткина. Упрекая гуманитариев в аморфности, малой информативности, излишней публицистичности текстов, Ирина Борисовна говорит о том, что *«учить учёных писать не только можно, но и нужно. И учить их нужно с молодых ногтей, начиная со средней и даже начальной школы, ведь академическое письмо – это дисциплина, которая развивает не только и не столько языковые, сколько метаязыковые компетенции, учит отстаивать свою точку зрения, уважая чужую, всесторонне обосновывать свою позицию, анализируя и критически оценивая всё то, что уже высказано другими авторами, и таким образом вносить свой вклад в дискуссию, которая и является движущей силой развития науки»*. Это весьма авторитарное мнение. Неужели никто из современных учёных-гуманитариев не умеет писать научные статьи? Неужели

академическому письму надо учить уже в начальной школе? И как сегодня отнеслись бы сторонники академического письма к «Размышлениям» М.В. Ломоносова, в которых научное знание представлено в поэтической форме? И в каком формате написана работа Б.В. Раушенбаха «Пристрастие» о теории перспективы и пространстве? Риторическая модель, о которой говорит И.Б. Короткина, сужает возможности автора, унифицирует возможности создания актуальных гуманитарных текстов, противоречит природе гуманитарного познания и, по моему мнению, ведёт к формализму и стандартизации приёмов репрезентации гуманитарного знания.

Я ещё раз перечитала книгу Г.Ф. Хильми (автора «Основ физики биосферы») «Поэзия науки», в которой учёный, принадлежавший к естественнонаучному сообществу, пишет о том, что «поэтическое образное мышление – неотъемлемая часть творческого мышления в науке, особенно в тех её разделах, которые имеют большое мировоззренческое значение». И как же вписаться авторам, которые тяготеют к соединению научности и образности в обозначении своих эмоций при рассмотрении проблем образования, к пристрастности к тем или иным идеям, в формат академического письма?.. Хотелось бы остановиться на многих вопросах, рассматриваемых «круглым столом», но лимит времени и речевого пространства исчерпан.

А.Ф. Красинская: Мы с вами говорим о достаточно серьёзных проблемах, которые не имеют однозначного решения: о развитии журнала с учётом перспектив вхождения в международные наукометрические базы данных, о спускаемых «сверху» новых требованиях к написанию научных статей, об их рецензировании и т.п. Обсуждаемые вопросы живо затрагивают меня, прежде всего – как автора статей по социально-гуманитарной проблематике. Поэтому, не претендуя на всесторонность анализа сложившейся ситуации, хочу высказать своё мнение, в большей степени эмоциональное, по поводу введения формата IMRaD для написания научной статьи, а также порассуж-

дать о тех противоречивых тенденциях, которые сложились в издательской сфере.

По вопросу подготовки и публикации статьи в журнале имеются разные точки зрения: автора, редактора, издателя, читателя, а теперь ещё и представителей тех государственных структур, которые занимаются рейтинговой оценкой научной деятельности. Соответственно, можно выделить и несколько аспектов анализа статьи: научно-содержательный, литературно-стилистический, контрольно-нормативный (соответствие статьи формализованным требованиям), коммерческий и даже психологический, если учитывать особенности восприятия текста читателем.

Начну рассмотрение проблемы с позиции автора, который публикует результаты своих научных изысканий и таким образом делает их доступными для широкой читательской аудитории. Автор – это не просто создатель научного текста, это прежде всего учёный, которому присущи системное мышление, сформированное мировоззрение, стремление разобраться в сути проблемы и предложить пути её решения. Задача автора – написать такой текст, который бы способствовал развитию науки и был полезен другим учёным. Главная мотивация для подавляющего большинства авторов – это не рейтинг и даже не стремление получить признание коллег, а свобода научного творчества. Именно она даёт энергию даже тогда, когда другие механизмы стимулирования научного труда перестают действовать.

Научное творчество проявляется как в выборе актуальных исследовательских задач и оптимальных способов их решения, так и в определении формы организации и подачи новой информации. Для учёного жанр статьи – это некие формальные рамки, задающие структуру и логику изложения материала. При этом существуют стилистические особенности написания статей разными учёными – представителями гуманитарных, естественных, экономических, технических и др. наук. И такое стилистическое многообразие позволяет удовлетворить познава-

тельные запросы разных групп читателей. Нам же предлагают использовать единый шаблон IMRaD, то есть своего рода упрощенный вариант «рамочной статьи». Насколько это целесообразно? На мой взгляд, если загонять автора в жёсткие рамки, это способно в кратчайшие сроки убить всякое творчество! Как в художественной литературе не бывает чистых жанров, так и в научной периодике не может быть унифицированных текстов. И в первую очередь это касается социально-гуманитарных статей. Когда автор работает над такой статьей, он не просто составляет отчёт о проведённом исследовании, он невольно «захватывает» несколько жанров: здесь могут быть и элементы публицистики, эссе, личные комментарии и эмоциональные оценки.

Управленцы от науки, которые навязывают формат IMRaD, видимо, плохо понимают, что такое научное творчество. Как говорится, «любой план сражения умирает с началом боевых действий». То же проис-

ходит и в научной деятельности. Часто «побочный продукт» важнее исходного замысла. Мне кажется, что заданный извне каркас «рамочной статьи» мешает автору выразить свои идеи, а узаконенная формализованность может привести к засилью шаблонов и клише. Поэтому, решая вопрос повышения рейтинга журнала за счёт вхождения в международные наукометрические базы данных и принимая как необходимое условие формат IMRaD для написания статей, мы должны осознавать все последствия такого шага, главное из которых – это уничтожение свободы научного творчества. Я, например, считаю, что стиль написания статьи можно изменить только одним способом – изменив самого автора. Но наука от этого точно не выиграет!

Теперь посмотрим на статью с точки зрения научных редакторов, в том числе главного редактора, который часто выполняет ещё и функцию издателя, если журнал существует на условиях самоокупаемости. В редакцию поступают статьи разного уровня, поэтому часть из них отклоняется, но большинство доводится до опубликования. Редактор, работая со статьёй, видит её целостно, то есть, помимо содержания (актуальности, научности, логичности), для него важны и структура, и динамика, и авторский стиль. Но труднее всего приходится главному редактору (издателю). Он понимает, что, с одной стороны, журнал – это товар, который нужно уметь продать, поэтому необходимо учитывать ожидания и интересы читателей. С другой стороны, журнал – это интеллектуальный продукт и, как отметил в своем выступлении Михаил Борисович, «общественное благо». У него есть своя миссия. Главный редактор, объединяя вокруг журнала авторов, не просто создаёт «кружок по интересам», а мощно влияет на профессиональное сообщество, формирует особую интеллектуальную среду.

Конкуренция в сфере научной журналистики велика. И первоочередная задача издателя состоит в том, чтобы сделать журнал

не только полезным, но и интересным для читателей. И сейчас главный редактор стоит перед дилеммой: как учесть требования стандартизации научных текстов за счёт введения формата IMRaD и при этом сохранить читаемость журнала? Вариантов решения этой дилеммы немного: если журнал работает «на себя» и готов ввести спущенные «сверху» государственные требования, то можно идти по пути стандартизации, если же журнал работает на читателя, то нужно думать о том, как его удержать.

Возвращаясь к новым требованиям написания статьи. Любая статья имеет смысл только тогда, когда её читают. Главное, чтобы читатель был погружен в материал, не выпадал из процесса чтения. Психологи хорошо знают, что слишком ровненький текст и знакомая информация не запоминаются, поэтому, чтобы статья зацепила, помимо новизны, нужны и другие компоненты: эмоциональная амплитуда, динамика, образный строй речи. На мой взгляд, читателей гуманитарных текстов «держит» не только идея (тезисы, их доказательства), но и авторская интерпретация, рефлексия, эмоциональные вкрапления, удачные сравнения, неожиданные метафоры. Я считаю, что размышления автора – это как раз то место в статье, где текст напрямую соприкасается с читателем, а авторский стиль способен воздействовать на человека, минуя стадию понимания, на неосознаваемом уровне в виде эстетического ощущения некоей гармонии.

Если говорить об отношении к статье читателя, то, прежде всего, нужно учитывать его интересы и потребности: профессиональные, когнитивные, эмоциональные, эстетические и др. Современный человек живёт в насыщенной информационной среде. Обилие разнородной информации ведёт к тому, что мозг работает более интенсивно. Поэтому, с одной стороны, читатель хочет быстро получить конкретные факты, исследовательские результаты, обобщения, и статья с традиционной структурой: с обстоятельным введением и анализом трудов на-

учных предшественников – кажется ему архаичной. С другой стороны, читатель хочет получить удовольствие при погружении в процесс чтения, для него чрезвычайно важно общение с автором, интеллектуальные поиски которого созвучны собственным научным интересам. В этом случае текст статьи, втиснутый в рамки IMRaD, неизбежно будет утомлять, порождать скуку. Как известно психологам, усталость при восприятии печатного текста возникает уже на третьей–четвёртой странице. Чтобы этого не происходило, автору научной статьи и приходится использовать разнообразные приёмы удержания читательского внимания: публицистические вставки, интересные примеры, образный язык, оправданную эмоциональность. В настоящее время, как мне кажется, в научной периодике уместна более гибкая структура статьи с активным началом (быстрый ввод в проблему) и яркой, образной, запоминающейся подачей материала.

В заключение хочу сказать, что формат IMRaD применим для написания статей, в которых обобщаются итоги определенного рода исследований, например естественнонаучной и технической направленности. Социально-гуманитарные журналы при введении данного формата больше потеряют, нежели приобретут из-за оттока части читательской аудитории. В результате пострадают и редакторы, и авторы. У них до недавнего времени сохранялось право оставаться независимыми в научном творчестве. Сейчас это право собираются если не отобрать, то значительно урезать за счёт тотальной регламентации, формализации, стандартизации. Поэтому закончу эмоциональным лозунгом: «Научное творчество – это всегда свобода! А настоящую свободу надо отстаивать!»

М.Б. Сапунов: Дорогие друзья, спасибо за участие в нашем круглом столе. Надеюсь, его результаты стимулируют дальнейшие дискуссии по затронутым темам.

HUMANITIES PAPER: EPISTEMOLOGICAL AND HISTORICAL-CULTURAL PERSPECTIVE: ROUND TABLE DISCUSSION (PART 2)

Abstract. The round table discussion of the journal *Vysshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia) took place on March 14, 2017 within the framework of Humanities Readings at Russian State University for the Humanities. The key theme – the model of the modern research journal in various aspects: philological (academic writing, IMRaD), philosophical (criteria of scholarly publication), historical and cultural, economical. The participants have touched upon such issues as interrelations between an author and an editor, types of peer review, the epistemological model of editor's activities, assessment of research activities, scientific communication. Special attention was paid to academic writing and suitability of IMRaD format for Humanities papers, scientometrics.

Keywords: round table discussion, research peer reviewed journal in Humanities, academic writing, IMRaD format, scholarly publication, peer review process, scientometrics

Cite as: Humanities Paper: Epistemological and Historical-Cultural Perspective: Round Table Discussion (Part 2). *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2017. No. 8/9 (215), pp. 74-99 (In Russ., abstract in Eng.)